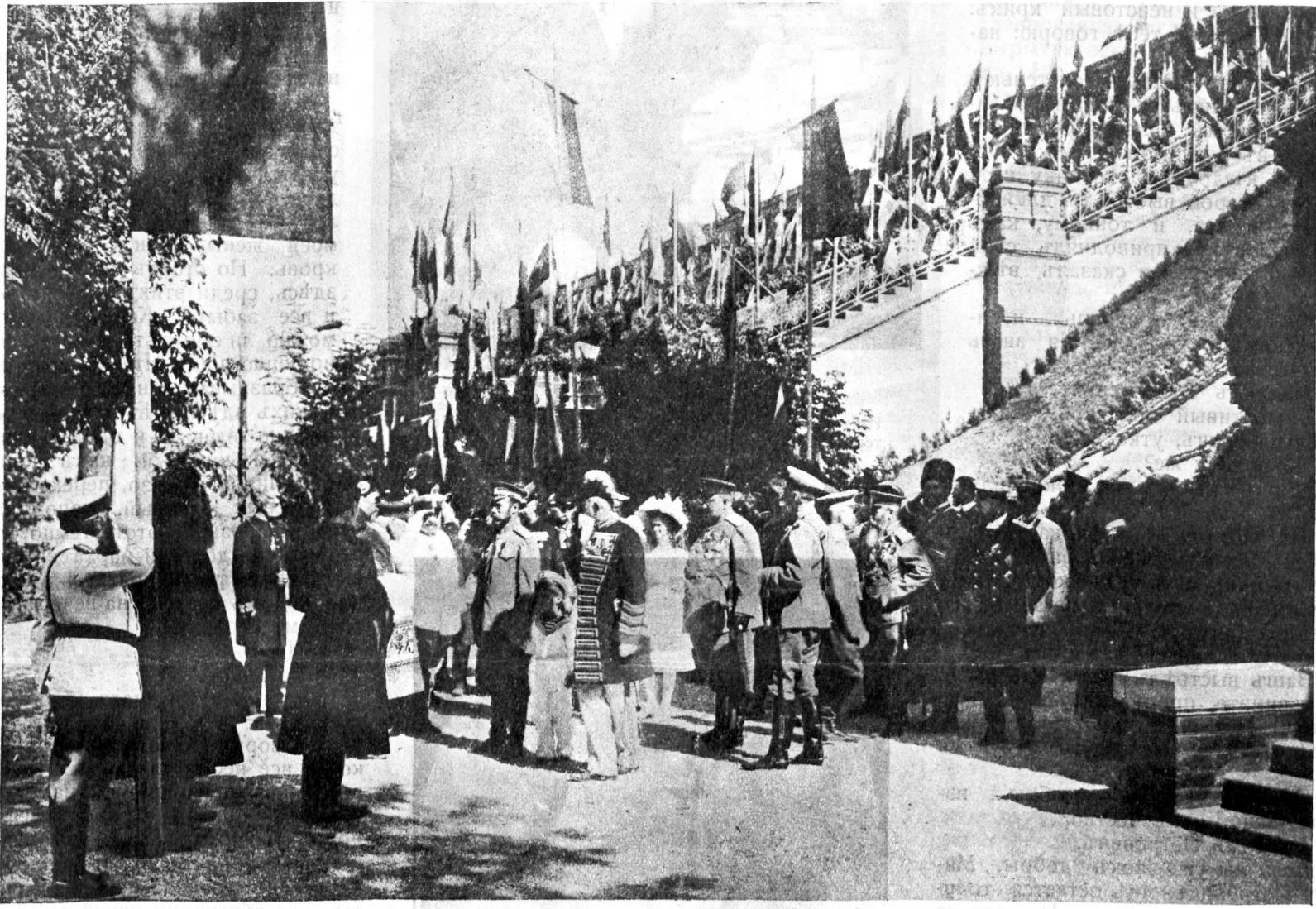

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 27-го сентября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9799.

Пребываніе Его Императорскаго Величества съ Августѣйшей Семьей въ Спасовомъ Скиту.

Подношеніе Его Величеству хлѣба-соли.

Фот. А. М. Иваницкаго.

Его Величеству представляются чины судебнаго вѣдомства.

Фот. А. М. Иваницкаго.

НА ОХОТЪ.

(Миниатюра).

Трахъ...

Выстрѣль грянулъ и прокатился надъ болотцемъ.

Синеватый дымокъ маленькимъ облачкомъ взлетѣлъ вверхъ и разсѣлся въ сырватомъ вечернемъ воздухѣ. Почти въ одно время съ первымъ выстрѣломъ грянулъ второй. Затѣмъ послышалось чѣ-то гнѣвное восклицаніе: "ахъ, чортъ тебя возьми" и неистовый крикъ: "назадъ, Кадо! Я тебѣ говорю: назадъ, шельма"...

Изъ кустовъ вышелъ толстенкій красный охотникъ съ лицомъ, облитымъ заревомъ заката. Охотникъ держалъ въ руки убитую утку. Онъ подошелъ къ другому охотнику, сѣлавшему второй выстрѣль, длинному, какъ верста, и тонкому, какъ нитка, человѣку, приподнялъ свой охотничій картузъ и сказалъ вѣжливо:

— Милостивый государь... извините, не имѣю удовольствія знать имя-отчество...

— Михаиль Васильевичъ.

— Милостивый государь, Михаиль Васильевичъ, утка ваша.

— Но почему же?

— Вашъ выстрѣль покончилъ дѣло.

— Не можетъ быть! сказалъ съ энергией Михаиль Васильевичъ.

Это вышло чуть-чуть комичнымъ. Но толстенкій охотникъ не замѣтилъ въ отвѣтѣ Михаила Васильевича комизма и продолжалъ серьезно:

— Вашъ выстрѣль покончилъ дѣло. А я, извините, пропустилъ.

Тошній охотникъ покраснѣлъ отъ удовольствія и протянулъ руку къ уткѣ.

— Если вы уже такъ добры... извините, ваше имя-отчество?

— Максимъ Петровичъ.

— Если вы уже такъ добры, Максимъ Петровичъ, мнѣ остается только васъ поблагодарить. Не дорога утка...

— Конечно жъ, не дорога.

— Дорого отношеніе, дорога любезность, Максимъ Петровичъ. Я цѣнлю охоту не за ту пару куликовъ или перепелокъ, не за ту утку, которую мнѣ изрѣдка случается застрѣлить, а за ту поэзію, которая присуща охотѣ, поэзію, которую мы, горожане, должны особенно цѣнить. И нынѣшняя встрѣча только увеличиваетъ для меня приманки охоты.

— Merci. А что касается поэзіи, я вполнѣ съ вами согласенъ.

Толстенкій охотникъ вздохнулъ полной грудью и машинально присѣлъ на пенекъ. Несмотря на длинныя тѣни и прохладу вечера, ему было жарко. Тошній охотникъ постоялъ въ нерѣшительности, подумалъ и изъ вѣжливости присѣлъ на сосѣдній пень. Ихъ собаки, успѣвшія обнюхать другъ друга, разлеглись возлѣ.

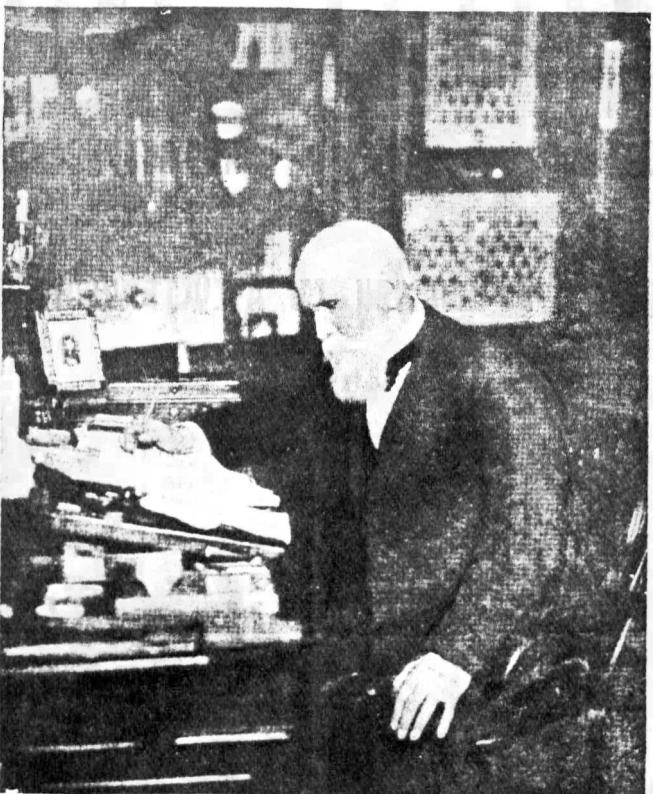
— Жарко! сказалъ сочувственно тошній охотникъ.

Толстенкій кивнулъ головой.

— Жарко. Но...

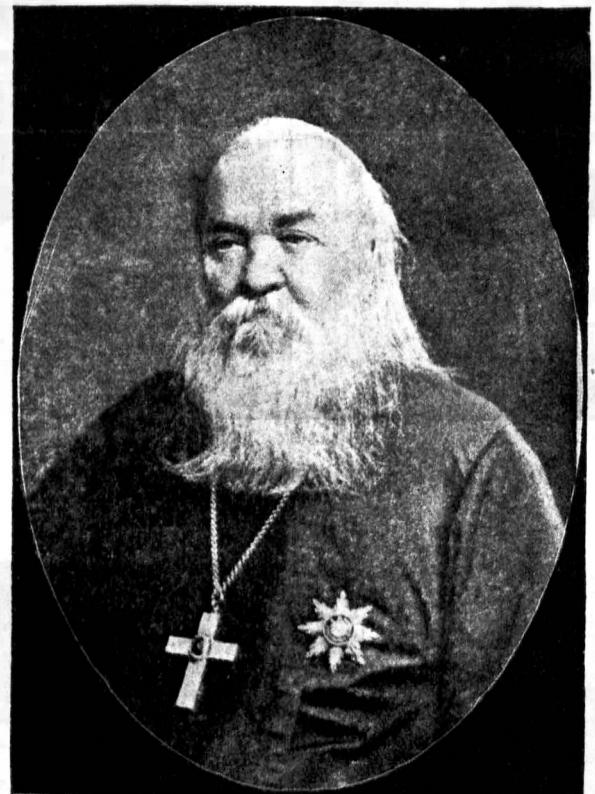
Онъ сдѣлалъ восторженные глаза и обвелъ рукою вокругъ.

— Когда посмотрѣши на эту поэзію, то забываешь, и жаръ и усталость. Обратите вниманіе на багровые,

М. М. Стасюлевичъ.

Избранный почетнымъ гражданиномъ города Петербурга, по случаю 25-лѣтія его дѣятельности въ комиссіи по народному образованію.

А. А. Желобовскій.

Протопресвитер военного и морского духовенства, членъ Синода. По случаю 50-лѣтія его священнослуженія, исполнившагося 17 сентября.

будто залитые кровью, стволы этихъ сосенъ, на контрастѣ свѣта и тѣни на бѣлой корѣ этой стройной березки. Какъ ослѣпительно бѣла она въ тѣни, тамъ, куда уже не достигаютъ солнечные лучи, и какимъ прелестнымъ розовымъ цвѣтомъ сіяеть она подъ ними! Вы, осмѣялись спросить, любитель природы?

Тошній охотникъ улыбнулся блаженно.

— О, да.

Онъ закурилъ папиросу, выпустилъ большой клубъ дыма и, слѣдя за нимъ

глазами, сказалъ:

— Я думаю, что всѣ охотники любятъ природу.

Его собесѣдникъ тоже закурилъ папиросу и радостно похлопалъ себѣ по колѣну.

— Мы совсѣмъ, совсѣмъ понимаемъ другъ друга! сказалъ онъ. Говоря откровенно, дома не сочувствуютъ мнѣ. Жена противъ. Говоря откровенно, не мало приходится вынести, чтобы отстоять эти несчастные исчезновенія изъ дома на день, на два.

Тошній охотникъ вздохнулъ.

— Не у васъ одного такая же, сказалъ онъ.

— Мы и здѣсь сходимся? У каждого, видно, свой крестъ. Не буду скрывать, далеко не всегда мнѣ удается уйти на охоту безъ скандала, безъ того, чтобы въ мою голову не летѣла разная дрянь. У моей жены, между нами, горячая кровь. Но стоитъ мнѣ очутиться здѣсь, среди этихъ мховъ и болотъ, и все забыто. Какая красота! Ну

можно ли смотрѣть на все это равнодушно? Обратите вниманіе на разнообразные оттѣнки этихъ мховъ. Какихъ здѣсь нѣтъ? И голубой, и блѣдно-зеленый, и сѣрий, какъ пепель, и красный, какъ покрытое ржавчиной желѣзо, переходящій въ чудесный розовый, напоминающій лепестки розы. А этотъ темнозеленый, похожій на дорогой бархатъ! Ну, гдѣ вы увидите такую прелесть въ городѣ, въ душномъ театрѣ, на вечерѣ, за карточнымъ столомъ?

— Нигдѣ.

— Конечно жъ.

Толстенкій подумалъ и посмотрѣлъ вверхъ.

— А зори? Багровыя вечернія зори, когда все небо пылаетъ, и утреннія съ прозрачнымъ туманомъ надъ болотцами, туманомъ, колеблющимся, какъ подвѣнчаная фата. Выйдешь на волю — и глазъ оторвать не можешь: листья деревьевъ, травка, прибрежная ракита — все обрызгано росой, вездѣ капли воды сверкаютъ, какъ алмазы. Изъ овиновъ поднимаются струйки дыма и ползутъ другъ за дружкой. Откуда то доносится стукъ цѣпей: уже началась молотьба.

— Подождите! Позвольте мнѣ докончить картину. Берешь ружье, кличешь собаку и отправляешься стрѣлять...

— Именно.

— Пройдешь версту, и лѣсъ уже шумитъ надъ тобой вѣтвями. Въ лѣсу ходишь по болотамъ, прыгаешь съ кочки на кочку, продираешься сквозь чащу, сквозь колючіе кусты, раздвигаешь высокіе камыші. Вдругъ дичь: утка или что-нибудь подобное. Приложишься: баць-баць изъ обоихъ стволовъ, глядишь, и чирокъ, трепеща подстрѣленнымъ крыломъ, падаетъ въ воду. И такъ до ночи. Виноватъ: въ серединѣ дня зайдешь въ деревню или въ лѣсную сторожку, яичницу сѣешь, чаю выпьешь.

— Именно.

— И опять за ружье вплоть до ночи. А къ ночи на покой, въ знакомую хату или на мельницу.

— Именно, на мельницу.

— Туда, гдѣ ждѣтъ тебя знакомая добрая фея.

— Именно.

Толстенкій охотникъ пощипалъ усы и сказалъ застѣнчиво:

— Именно, гдѣ ждѣтъ знакомая добрая фея. Хотите, съ одной знакомлю сегодня? Я вообще не имѣю этого обычая, чтобы знакомить, и васъ первого хочу ввести въ свой тихій охотничій пріютъ. Что за женщина эта фея! Горжусь открытиемъ не менѣе Колумба, открывшаго Америку, и Пири, открывшаго сѣверный полюсъ.

Тошній охотникъ подумалъ и сказалъ, махнувъ рукою:

— Чтобы не оставаться въ долгѣ, я васъ тоже познакомлю съ феей.

— Вотъ какъ? Merci.

— Завтра. Сегодня у васъ въ тихомъ пріюте переношуемъ, а завтра у меня. Женщина же, батенька. Много я женщинъ на своемъ вѣку видѣлъ, а такъ не случалось. Брюнетка, этакій жгучій взглядъ...

— Не удивите. У моей тоже жгучій взглядъ.

— Коса до полу.

— Тоже самое.

— Плечи... если бы видѣли ея плечи!

— Можетъ быть, но все не та-кія, какъ у моей.

— Не смѣю спорить. Зато ужъ улыбка... знаете народное выражение: улыбнется, точно рублемъ подарить? Ахъ, эта улыбка...

— А я, между нами, и погибъ чрезъ улыбку. Захожу я въ прошломъ году въ жаркий полдень, страхъ пить хочется: нѣтъ ли, спрашивалъ, чаю или молока? — Какъ, говорить, не быть? Сказала эти слова и улыбнулась. Увидаль я ея улыбку, —ну, и чувствую, что все кончено, что погибшій я человѣкъ. Улыбка, батенька, у нея такая... прямо сверхъестественная улыбка.

— Какая поступь!

— Тоже: павой идетъ.

— Зубки...

— Жемчугъ-съ.

— Кожа...

— Не говорите о кожѣ, батенька: кипѣнъ бѣлая!

— Знаете, даже не вѣрится, что столько прелести не въ какой-нибудь сказочной принцессѣ, а въ мельничихъ совсѣмъ.

— Въ мельничихъ?

— Ну, да, въ мельничихъ.

— Моя тоже мельничиха.

— Вотъ какъ?! Но у вашей, конечно, не такое славное имя, какъ у моей. Хотя бы и не мельничихъ такое имя: Марьяна.

— Марьяна?!

— Ну, да.

— Да, вѣдь, мою тоже Марьяной зовутъ!

— Чортъ возьми, странное совпаденіе. Даже повѣрить трудно. Моя Марьяна мельничиха изъ Зеленыхъ Ключей.

— Но... и моя Марьяна тоже мельничиха изъ Зеленыхъ Ключей!

Охотники молча, съ потемнѣвшими лицами, разглядывали другъ друга.

Солнце сѣло, и съ вершинъ лѣса исчезли даже его послѣдніе прощальныя лучи. Потянуло холодкомъ. Гдѣ то, какъ обиженный ребенокъ, заплакала сова. Среди пней по полянѣ поползли, точно длинныя змѣи, тѣни вечера. Розовый закатъ поблѣднѣлъ.

Семья Чехова.

А. П. Чеховъ, его мать, сестра и два брата въ имѣніи "Лука" на берегу рѣки Псela.

А. Т. Голенищевъ-Кутузовъ.

Бывшій харьковскій городской голова.

Скончался 8 августа.

Охотникамъ стало грустно. Вѣчеръ имъ показался тусклымъ и скучнымъ, мокхъ-темнѣмъ, надоѣдливо рѣзавшимъ глаза — охота — лишенной всякой поэзіи...

А. Грузинский.

Научные новости.

Раковины и вулканізмъ.

Геологи не однажды задавались вопросомъ, какой пластъ земли служитъ подстилкой для Везувія. Теперь вопросъ этотъ, можно сказать, разрѣшенъ, благодаря даннымъ, добытымъ сколько органами угрозы. Есть дру-

гой колодцемъ, пробуравленного въ Помпѣй. Этотъ колодецъ былъ начатъ въ 1893 году графомъ Фуско на 12 метровъ выше уровня моря, съ единственной цѣлью добывать воду для поливки садовъ. Буравленіе дошло до 96 метровъ и было брошено, такъ какъ не привнесло первыхъ порахъ никакихъ результатовъ. Вдругъ два года назадъ колодецъ сталъ дѣйствовать, и изъ него брызнула обильная струя воды, богатая магнезіею, и вся прогазированная углекислотой. Землю, вырытую изъ колодца, изслѣдовали. На глубинѣ 96 метровъ уже встрѣчается тонкій ископаемый морской песокъ, и въ немъ содержится множество береговыхъ морскихъ раковинъ. Отсюда надо заключить, въ виду того, что вулканомъ не было выкинуто ни разу ни одного камня древній геологіческой породы, что онъ, какъ вулканическій диноменъ, сравнительно недавніго происхожденія, и корни его или база сидятъ неглубоко.

Грозные жесты.

Фаусекъ, нашъ натуралистъ, съ которыхъ порѣ изучаетъ позы, которыя принимаютъ разныя животныя, когда на нихъ нападаютъ. Французская научная критика видѣтъ въ предметѣ, который избралъ Фаусекъ для изученія, характерный штрихъ современной русской души. Большею частью животное ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; другія передъ лицомъ врага принимаютъ такое положеніе, которое дѣлаетъ ихъ неизнаваемыми, стараются испугать и устрашить. По словамъ Фаусека, поза угрозы прежде всего заключается въ стремлѣніи, по возможности, раздуть размѣры своего тѣла. Животная раздуваетъ кожу, ероша волосы, колючки, перья,

гая маленькая морская рыбка—видъ бленни; у нея на спинѣ длинные плавники, посрединѣ спины большое черное пятно, окаймленное бѣлымъ; оно рѣзко выдѣляется на сѣромъ фонѣ: плавники въ обыкновенномъ состояніи бленни плотно прилегаютъ къ тѣлу, но когда на рыбку нападаетъ врагъ, она смѣло останавливается противъ него и выкидываетъ на воздухъ свое черно-бѣлое знамя. Можетъ быть, также и крылья мотыльковъ являются органами угрозы, думаетъ Фаусекъ, такъ какъ грудные плавники триглы и дактилоптеруса напоминаютъ мотыльковыя крылья. Наблюденія Фаусека очень любопытны, но его можно упрекнуть въ стремлѣніи толковать все слишкомъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности или телеологии, что давно уже отвергнуто современной наукой.

СМЪСЬ.

Табачный дымъ.

Д-ръ С. Жебровскій (въ Петербургѣ) произвелъ нѣсколько опытовъ надъ животными, чтобы узнать, полезно или вредно для человѣка курить. Съ этой цѣлью онъ пользовался особаго рода приборомъ, который позволяетъ держать кроликовъ въ помѣщении часовъ шесть кряду, вводя туда табачный дымъ отъ папиросы. Въ первую недѣлю кролики вели себя беспокойно и выдѣляли много слюны и пла-кали; наглотавшись дыму, они становились потомъ апатичными и вялыми. На слѣдующей недѣльѣ кролики привыкали къ табаку, но зато у нихъ пропадалъ аппетитъ. Два кролика умерли черезъ два мѣсяца, и микроскопическое изслѣдованіе ихъ сердца указало значительные измѣненія, про-исшедшія въ организмѣ. Другіе кролики выдержали пять мѣсяцевъ, но потеряли на половину въ своемъ вѣсѣ. Далѣе, д-ръ Жебровскій на-шель, что у животныхъ, какъ и у человѣка, табакъ производитъ же разрушительное дѣйствіе. Однимъ словомъ, и людямъ, и кроликамъ вреденъ табачный дымъ.

Женская дуэль.

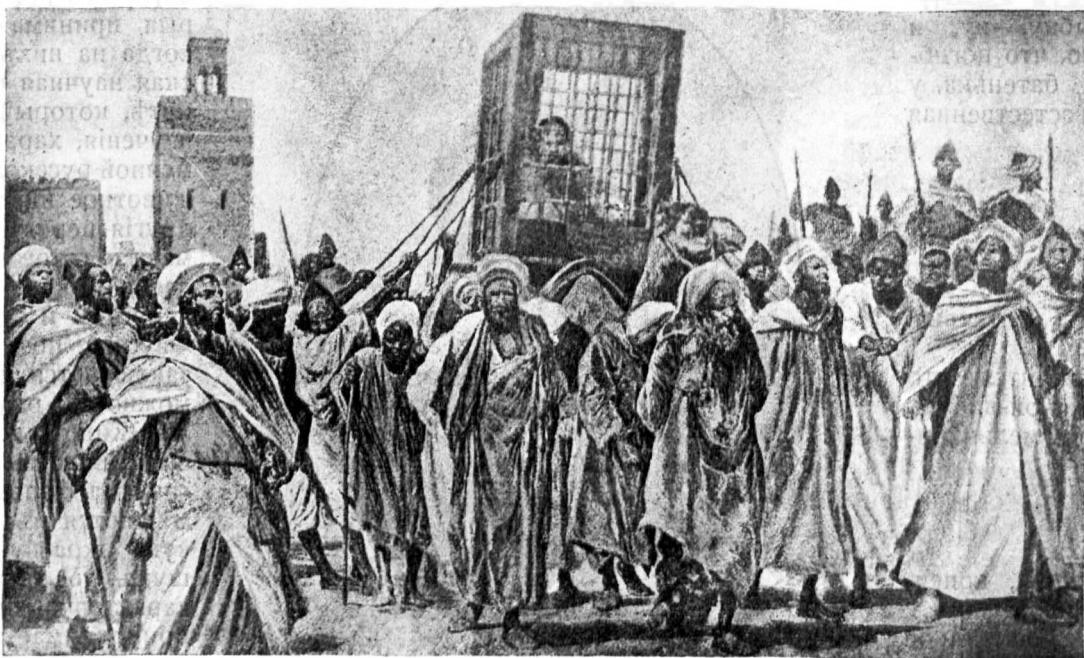
Въ Чикаго, въ великосвѣтскомъ кварталѣ, на-дняхъ состоялась женская дуэль.

Двѣ родственницы, пылавшія ревностью другъ къ другу, г-жи Силь-

И. М. Шуваловъ.

Копія портрета, вывѣшенного въ фойе го-родского театра.

Эль-Роги.

Мароккскій претендентъ, захваченный въ плѣнъ и заключенный въ желѣзную клѣтку Мулай-Гафидомъ.

версь и Триппъ, рѣшили драться¹ съ револьверами въ рукахъ. Мѣстомъ поединка былъ выбранъ домъ г-жи Сильверсь, вдовы. Она всѣхъ удалила и тщательно заперла двери. Поединокъ былъ ожесточенный и продолжался до тѣхъ поръ, пока одна изъ соперницъ, г-жа Триппъ, получивъ пятнадцать револьверныхъ пуль, не пала мертввой. И г-жа Сильверсь, тоже тяжело раненая ножомъ, покончила

съ собой. Въ домѣ все было перевернуто вверхъ дномъ; на полу валялись клочки вырванныхъ волосъ, во всѣхъ комнатахъ на полу масса крови.

Месть писателя.

Извѣстный французскій писатель, фельетонистъ и драматургъ, Жоржъ Куртелинъ, находится въ очень плохихъ отношеніяхъ съ парижской префектурой. Его рѣзкія сатирическія выходки противъ парижской префектуры слишкомъ раздражали ее, особенно потому, что частенько Куртелинъ былъ правъ. За это парижская полиція особенно внимательно следила за Куртелиномъ. За послѣднее время онъ былъ нѣсколько разъ оштрафованъ за то, что его прислуга выбивала ковры на 5 мин. позже дозволенного времени; за то, что его автомобиль щахъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ допускаютъ правила. На такія мелкія упущенія полиція обыкновенно смотрѣла сквозь пальцы, но не то было съ Куртелиномъ. Тогда послѣдній рѣшилъ отомстить. Разъ, вечеромъ, онъ одѣлся въ очень поношенный костюмъ и отправился въ одинъ изъ перворазрядныхъ ресторановъ. Прислуга смотрѣла на него подозрительно. Куртелинъ заказалъ дорогой обѣдъ. Черезъ минуту къ нему подошелъ хозяинъ ресторана и попросилъ у него удостовѣренія...

въ видѣ необходимой денежной суммы. Куртелинъ разыгралъ изъ себя сильно обиженнаго и показалъ тысячу-франковый билетъ. Вскорѣ въ ресторанѣ вошелъ полицейскій агентъ и вызвалъ Куртелина, чтобы онъ отправился съ нимъ въ ближайшее полицейское бюро, гдѣ писателя допросили самымъ подробнымъ образомъ. Маневръ такого рода Куртелинъ за одну ночь повторилъ 14 разъ, выбирая рестораны такъ, что въ одномъ и томъ-же полицейскомъ бюро появлялся нѣсколько разъ. Наконецъ, полицейскій префектъ просилъ Куртелина не продолжать своихъ

шутокъ. Куртелинъ на это отвѣтилъ, что, вѣдь, не онъ въ этомъ виноватъ, потому что его все время арестуютъ, а одѣваться онъ можетъ, какъ ему нравится; онъ только хотѣлъ показать полиціи, что и онъ такъ же помнить о ней, какъ она о немъ. Результатомъ было то, что полиція обѣщала относиться къ Куртелину снисходительнѣе.

